

фильмовском банкете по случаю съемок Конрадом Вольфом картины "Гойя", где я играл главную роль, встал и сказал:

"Поднимаю тост за здоровье нашего любимого Донатаса Баниониса, которого хотели снять с роли в фильме "Мертвый сезон", но мы его защитили и отстояли!" Я тогда подумал: ай, ай, какой ты хороший...

Гойю я вспомнил не случайно. В том фильме была одна сцена – разговор художника с инквизитором (его играл очень хороший польский актер Мечислав Войт). Инквизитор показывает Гойе офорт и спрашивает: "Это ваша работа, ваша?" Перепуганный – так и у Фейхтвангера – Гойя, который знал, конечно, что такое инквизиция на самом деле, отвечает: "Моя". И тогда спрашивает его инквизитор: "Кому служит твоё искусство?"

Гойя ни жив, ни мертв, но отвечает все же так, как ему казалось: "Правде". – "Ах, правде! Не церкви!" И тут Гойя, чтобы спасти себя, говорит: "Церковь выше правды".

Вот тогда я понял, что правительство – "выше правды". А правда, соответственно, – "ниже" и правительства, и церкви. По их мнению, конечно. Сегодня, кстати, опять так. Опять смотрю – правительство "выше правды". И – как хочешь: будешь слушать правительство, начальство – тогда правда отойдет в сторону. Если слушаешь правду – будешь перечить правительству. Так вот – выбирай. Или ты правду говоришь или ты служишь. Или следуешь неправде, служа церкви или там правительству...

А Савва был такой, кому важнее – правда. Он служил только ей. И за это я так его уважал. И до сих пор уважаю.

Но вернуться к финалу фильма. После обмена – мой последний проезд в машине. И мы договариваемся с Саввой, что никакой радости не будет на моем лице. И это тоже оказалось интуитивно очень верным. Что ждало на родине таких разведчиков, теперь известно хорошо, – как минимум, полная засекреченность, и в титрах фильма стояло: "Консультант – Константин Трофимович Панфилов". Но тогда мы могли только догадываться о чем-то... Спустя три года после наших съемок, в 1970 году, я удивился, узнав, что Конан Молодой умер – от инсульта на сорок восьмом году жизни. Кстати, узнал я это тоже удивительным образом: подходя к посольству США, куда направлялся оформлять визу для поездки по приглашению, вдруг столкнулся с незнакомым человеком, который произнес: "Извините, хочу вам сказать, что позавчера умер Конон"... Потом я выяснил, что все-таки ему "помогли" – лечили так, чтобы у него был инсульт. Он слишком много знал, а мало ли что в жизни бывает...

Вот что значит – человеческое и героическое. Вот что значит – жизнь и кино, кино и жизнь...

Все это прекрасно понимал Савва. Мы оба были теми людьми, которые предпочитали говорить правду.

Я точно помню наш прощальный с Саввой разговор после съемок. Мы говорили о том, что картину, наверное, положат на полку (так и было, ее долго не показывали). Что, конечно, могут быть и неудача, и даже провал. Но – черт с ним, потому что работали мы с удовольствием! И он подтвердил: наша встреча – удовольствие, и мы никогда не скажем, что плохо понимали друг друга и что плохо работали.

А потом... неожиданно, как всегда бывает, – успех! На родине и за границей. Савва привез мне из Болгарии приз за лучшую мужскую роль – такой резной деревянный столик и три стульчика... в самолете вез. А предварительно из Софии звонил, чтобы поздравить... Эти маленькие штрихи хорошо говорят о том, каким он был не только режиссером, но и человеком.

Так получилось, что больше я не видел ни одного фильма Саввы. Да и виделись мы, в общем, к сожалению, нечасто – каждый был занят своей работой. И все же лет семь назад мы втроем – Савва, Ролан и я – были приглашены участвовать в одной телепередаче. Когда запись закончилась, отправились куда-то, что называется, посидеть. И вдруг стали шутить – давайте сделаем продолжение фильма "Мертвый сезон"! Мол, прошло много лет, наступили новые времена. Савушкин – хитрый актер, как это часто бывает; такие люди из ничего делают бизнес – разбогател, стал "новым русским", олигархом, нефтяным магнатом. А Ладейников доживает свой век, не нужный никому. Какую работу может иметь бывший разведчик, если все говорят: "Зачем нам этот кагэбэшник"? А пенсия маленькая... И вот, может, после некоторой экспозиции, представляющей нам героев спустя годы и годы, идет мой Ладейников по Москве и видит: большо-о-ой такой лимузин едет. И сидит в лимузине – как принято, на заднем сиденье – небольшой человечек. Вдруг они посмотрели друг на друга и каждый подумал о другом: кто он такой? где я его видел?

И Ладейников вспоминает: о, Господи, я же с ним был на задании! Как он поднялся! Надо

его разыскать – может, найдет для меня работу...

И Савушкин вспомнил Ладейникова. Но думает наоборот: только бы не встретиться... подалеже от этого обломка прошлых лет!

Однако Ладейников узнал, где офис Савушкина, и сумел к нему пробраться через охрану. Входит в огромный кабинет, весь уставленный шикарной мебелью, увешанный картинами, – и видит маленького человечка за столом, испуганно спрашивающего: "Как ты меня нашел?"

И вот тут должна была начаться интрига, замешенная на реалиях. Мы втроем думали: почему бы и нет?.. Но прошло совсем немного времени, и вдруг умирает Савушкин – Ролан Быков. А без него эта история уже невозможна...

Последняя моя встреча с Саввой произошла три года назад, когда я был в Москве на театральном фестивале имени Чехова по приглашению Международной конфедерации театральных союзов. Тогда в театре Вахтангова на спектакле Камы Гинкаса увиделся с Саввой и Варей, и мы договорились встретиться еще... Кто бы мог подумать, что этого не случится больше?

Смерть Саввы осталась для меня совершенно непонятной: как это – его нет...

Он, скажу еще раз, был на съемках рядом со мной и как режиссер, и как человек, и как приятнейший друг, с которым находишь общий язык. Не знаю, мы почему-то не спорили даже никогда... не было, о чем спорить. Это редкость. Это редкость. У меня были впоследствии хорошие фильмы – с Конрадом Вольфом, с Тарковским... но таких близких человеческих отношений и понимания друг друга больше не случилось. Единственный был такой человек за 70 с лишним картин – Савва.